

ЗАБЫТАЯ ВОЙНА. К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

УДК 304.44; 94

О ГЕРОИЗМЕ И СТРАДАНИЯХ ИНВАЛИДОВ. ИНВАЛИДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ПРИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМЕ*

Н. Леффельбайн
Франкфуртский университет
им. Иоганна Вольфганга Гёте,
Франкфурт-на-Майне, Германия
Nils-Loeffelbein@web.de

В статье исследуются история инвалидов Первой мировой войны в Германии с точки зрения социально-психологических последствий тотального вторжения войны в мирную жизнь разных слоев общества. Несмотря на то что примерно десятая часть населения относилась к жертвам войны, что являлось огромной моральной и материальной проблемой для Веймарской республики, историки уделяли этому явно недостаточное внимание. В то же время именно ожесточенные дебаты по проблемам жертв войны постоянно отягощали общую память о войне в Веймарской республике и тем самым в конечном счете существенно способствовали дестабилизации общественного порядка. Ветераны войны, например, вообще не вовлекались в публичное пространство при государственных торжествах в Веймарской республике. К концу 1920-х годов агрессивного националистического культа фронтового солдата распространяется и на либерально-буржуазный лагерь. В результате именно национал-социалистам удалось эффективно использовать проблему жертв войны в своих политических целях. И только после окончания Второй мировой войны конец господства национал-социализма знаменовал собой новый крутой поворот в отношении к инвалидам, число которых после Второй мировой войны было велико как никогда.

Ключевые слова: Первая мировая война, Веймарская республика, инвалиды войны, система социального обеспечения, образ героя войны.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.1-7-19

Введение

Как никакая другая война прежде, Первая мировая война с ее неслыханной жестокостью оставила после себя невероятное число жертв. С 1914 по 1918 год на полях сражений в Европе погибли более 9 миллионов солдат и около 20 миллионов были ранены. «Индустриализированная»

война обернулась гуманитарной катастрофой прежде всего по числу инвалидов. Наиболее жестокие ранения причинялись шрапнельными пулями. После 1918 года только в Германии на социальное обеспечение и общественное признание претендовали 2,7 миллионов инвалидов войны. К этому числу добавились миллионы обездолен-

* Перевод с нем. Игоря Александровича Канакина и Екатерины Александровны Либерт.

ных – вдовы, сироты, родители павших и родственники тяжелораненых¹.

Отдаленные социально-психологические последствия этого тотального вторжения войны в мирную жизнь целых слоев общества уже десятилетиями исследуются исторической наукой. Общая боль потери близких одинаково тяжело переживалась во всех государствах послевоенной Европы, несмотря на национальные различия [2]. Историки культуры все более детально выявляли, в какой степени вопрос о смысле массовой гибели и миллионах инвалидов войны определял мир представлений и политическую культуру в послевоенной Европе в 1920-е и 1930-е годы [3]. Ведь память о погибших и раненых была жива в сознании людей и после 1918 года, после того как умолкли пушки на фронтах. По всей Европе десятки тысяч возникших памятников войны в каждом городе, в каждой отдаленной деревушке напоминали о павших и о беспредельных страданиях, которые «великая война» принесла Европе и ее жителям [4].

К этому добавлялись бесчисленные инвалиды войны на улицах городов и деревень, которых предстояло вернуть в социальную и экономическую жизнь.

Осмысление социальных и психологических последствий войны в Европе происходило весьма по-разному и в значительной мере определялось вопросом о победе и поражении. Во Франции, население которой наиболее сильно пострадало от войны, память о погибших и раненых в Первой мировой войне после 1918 года быстро стала объединяющим символом национального единства и республиканского порядка. Скорбь о погибших и раненых сплотила и английское общество, несмотря на все вну-

триполитические разногласия [5]. Напротив, германский рейх проиграл войну, столкнувшись с поражением, которого многие немцы не ожидали. Бесславный итог мировой войны и воспринимаемые как национальное унижение условия Версальского договора от 1919 года обернулись глубокой травмой, которая не позволяла многим принять переход к миру [6]. Даже председатель Социалистической партии Фридрих Эберт приветствовал возвращавшиеся войска в 1918 году словами о том, что «враг не смог сломить» их дух [7]. «Груз проигранной войны» (Рихард Бессель) в конечном итоге оказался тяжким наследием для политически и идеологически глубоко расколотого немецкого общества, которому не удалось после войны найти общий язык скорби и памяти о двух миллионах погибших [8]. Воспоминания о войне в Веймарской республике оказались буквально полем боя [9].

Как ни удивительно, историческая наука долгое время недооценивала масштабов нагрузки, которую представляла собой многомиллионная армия инвалидов и выживших для молодой веймарской демократии [10].

Хотя примерно десятая часть населения относилась к жертвам войны (инвалиды, выжившие и их родственники) и забота о них зачастую подводила к финансовой пропасти и без того сотрясаемую кризисом республику, историческая наука едва уделяла внимание отношению государства к инвалидам и выжившим после Первой мировой войны [11].

И только после 1980-х годов социально-исторические исследования начали признавать гигантские экономические и финансовые последствия проблемы инвалидов войны для Веймарской республики [12–14]. Лишь новейшие культурно-

¹ О числе пострадавших см. в [1].

исторические работы выявили, насколько сильно было влияние для коллективного восприятия проблемы инвалидов на общественное самосознание Веймарского общества и тем самым также и на политическую культуру 1920-х годов [15–19].

Ниже мы попытаемся показать, что именно ожесточенные дебаты по проблемам жертв войны постоянно отягощали общую память о войне в Веймарской республике и тем самым в конечном счете существенно способствовали дестабилизации общественного порядка. Таким образом, часть общества – жертвы войны – так никогда и не нашла своего места в Веймарской республике и оставалась постоянной протестной группой в послевоенном обществе. В этой связи историческая наука выявила политико-символическую инструментальную попытку мировой войны как существенную основу для возвышения и успеха национал-социалистического движения [20, 21]. Здесь следует заметить, что публичная и эффективная мобилизация и инсценировка инвалидов войны существенно способствовала установлению и укреплению нацистской диктатуры [22]. В конце концов, именно национал-социалистам удалось использовать проблему жертв войны в своих политических целях и после 1933 года с помощью гигантских финансовых, организаторских и пропагандистских усилий выставить ветеранов и выживших в качестве «почетных граждан нации», чтобы тем самым подчеркнуть свою преемственность с фронтовиками.

«Памятники ужаса»² – Республика и жертвы войны

«Несмотря на тяготы времени, забота об инвалидах войны и выживших остается первоочередной обязанностью Рей-

² См. [23–25].

хал» [26] – откликнулась национально-консервативная газета «Zentralblatt für Kriegesbeschädigte und Kriegerhinterbliebene» (центральная газета для инвалидов войны и родственников павших) в сентябре 1931 года на постоянное урезание пособий жертвам войны правительством Брюнинга. Голоса подобные этому были характерны для политически накаленной атмосферы среди жертв войны в начале 1930-х годов. Отношения организации инвалидов с Веймарским государством были постоянно натянутыми не только во время мирового финансового кризиса. Как видно из заголовков ветеранской прессы, требования национального признания и благодарности за жертвы, принесенные в войне, постоянно присутствовали в высказываниях ветеранских союзов.

В исторических исследованиях уже давно обсуждается вопрос, почему накаленные протестные настроения преобладали именно среди немецких инвалидов войны. Их озлобленность казалась долгое время непонятной потому, что сравнение систем социального обеспечения в Германии, Англии и Франции после 1918 года свидетельствует о том, что немецкие ветераны и инвалиды в финансовом отношении были обеспечены намного лучше, чем в других послевоенных государствах. С победой всеобщего права на пенсию после 1918 года именно обеспечение жертв войны стояло в начале современного социального государства, принципы которого и по сей день определяют федеративную пенсионную систему [27]. Благодаря гарантированному предпочтению на рынке труда и целому комплексу социально-политических мер именно немецкие ветераны смогли быстрее вернуться в трудовую жизнь – в противоположность, на-

пример, Великобритании, где безработица среди ветеранов вплоть до середины 1930-х годов оставалась непропорционально высокой [28–30]. Что касается Франции, то Антуан Прост считает, что почти три четверти ветеранов войны были вынуждены обходиться без всякой пенсии [31].

В этой связи новейшие исследования все больше подчеркивают эффект коллективно-психологического характера как следствия массового присутствия искалеченных людей в послевоенном немецком обществе [32]. Таким образом, прежде всего, неспособность немецкого общества примириться с поражением привела к вытеснению проблемы жертв войны из политической и социальной жизни республики. Действительно, взгляд на европейскую культуру памяти после 1918 года свидетельствует о том, насколько различным было отношение общества к инвалидам в послевоенных государствах. Так, например, ветераны стран-победительниц Франции и Великобритании с самого начала были включены в общекультурный контекст памяти. При большом параде победы союзников в июле 1919 года в Париже основную колонну возглавила тысяча инвалидов войны – политическая символика, значение которой нельзя переоценить [33]. Точно так же и в Англии публичные жесты благодарности и признательности стали национальным проявлением памяти о жертвах мировой войны. Например, выручка от продажи искусственных цветов мака в День поминовения (Remembrance Day), ношение которых скоро стало восприниматься населением как национальная обязанность, шла в фонд помощи ветеранам и инвалидам войны [34, 35]. Веймарская республика, на-

против, дистанцировалась от публичного чествования участников войны, как и самой войны, от которой отцы-основатели совершенно сознательно пытались отмежеваться. Для символической пустоты веймарской политики по отношению к инвалидам было прямо-таки характерно то, что в 1926 году для обсуждения плана сооружения национального памятника павшим, к глубокому разочарованию организаций жертв войны, не был привлечен ни один из их представителей. Впрочем, ветераны войны вообще не вовлекались в публичное пространство и при других государственных торжествах в Веймарской республике.

Недостаточное внимание со стороны веймарской общественности постоянно осуждалось и самими инвалидами [36]. Многочисленные статьи в печатных органах ветеранских организаций убедительно свидетельствуют о том, что требование официального почитания жертв мировой войны было широко распространено даже в кругах инвалидов левой политической ориентации [37]. По случаю открытия одного из памятников в 1922 году Баварский союз инвалидов войны и родственников павших с горечью жаловался, что общественность с пафосом чествует павших героев, но открыто игнорирует живые «памятники», тысячами бродящие среди нас [38].

Долго доминировавшее мнение, что правящие партии, верные Веймарской республике, недооценивали и даже полностью отрицали значение символических действий в общественном мнении, в последние годы подвергается сомнению [39, 40]. Однако нельзя не видеть, что в отношении инвалидов войны государству и обществу не удалось утвердить в публич-

ном пространстве ритуалы памяти и признательности, которые задним числом могли бы придать смысл военным действиям, воспринимавшимся их участниками как жертвенный путь [41].

Примечательно, что сама система социального обеспечения при всей ее технической эффективности часто воспринималась инвалидами как анонимная и бездушная. Сбивающие с толку принципы социального обеспечения, зачастую доступные лишь пониманию экспертов, постоянно меняющиеся критерии оценки инвалидности и засилье административных чиновников и медицинских советников давали инвалидам не слишком много возможностей идентификации себя с новой формой государственной власти – официальная защита интересов жертв войны, осуществлявшаяся во Франции и в Англии специальными министерствами, в Германии отсутствовала [42–44].

От героя войны к символу поражения

На этом фоне история культуры и история поколений в последние годы дала новые ответы на вопрос о том, почему инвалиды в Германии в 1920-е годы все больше и больше оттеснялись на обочину общества [45, 46]. В этой связи все чаще указывается на то, насколько сильно феномен присутствия миллионов инвалидов войны определял общественное самосознание после 1918 года и тем самым влиял решающим образом на отношение государства и общества к жертвам войны [47]. Возвращение с фронта миллионов инвалидов не только коренным образом ставило под вопрос традиционные образы героизма и жертвенности; массовое появление инвалидов Первой мировой

войны глубоко потрясло существовавшие представления о мужественности [48, 49]. Под перекрестным огнем на фронте не только разрушался идеальный образ героического воина – сама модель солдатской мужественности, сформировавшаяся в империи, казалась навсегда утраченной. Миллионы молодых мужчин, в силу ранения, были не в состоянии вернуться к своей довоенной профессии и выполнять традиционную роль отца и кормильца семьи. Вследствие этого множество ветеранов оказалось до конца жизни зависимым от женской заботы и ухода и от государственной пенсии [50].

В начале войны солдат-инвалидов еще встречали как национальных героев со всей помпой кайзеровской Германии, но по ходу войны сама масса инвалидов на родине вела к тому, что «герои с трещиной» (Сабина Киниц) все больше и больше оттеснялись на край общества. Шок от присутствия миллионов калек не исчез из общественного сознания и после 1918 года. Показательно, что в центре политизированной полемики о «правильной» памяти в мировой войне в веймарском обществе постоянно находились именно образы искалеченных мужских тел. Так, фигура «воина-инвалида» скоро стала символом войны, с бесславным концом которой большинство немцев не было готово примириться, не говоря уже о том, чтобы преодолеть его последствия [51]. Действительно, разве ветераны-инвалиды с их ужасными увечьями не служили ежедневным напоминанием о поражении и крахе и об унижительных условиях «позорного» Версальского договора – обо всем том, что в общественных спорах того времени не случайно постоянно описывалось как «ампутация» «народного тела» [52]?

Вскоре после 1918 года жалкая фигура инвалида, просящего подаяние, была превращена левыми в действенный символ как разрушительного милитаризма воинствующей империи, так и неспособности Республики достойным образом позаботиться о жертвах войны. В 1924 году радикальный пацифист Эрнст Фридрих шокировал общественность своей антивоенной книгой «Война войне», содержащей десятки фотографий солдат-инвалидов с тяжелыми лицевыми ранениями [53]. Искалеченные мужские тела были постоянным мотивом в изобразительном искусстве 1920-х гг. [54], например, в работах многочисленных представителей веймарского авангарда, таких как Макс Бекман, Георг Грос, Отто Дикс, выражавших свое возмущение существующим общественным строем [55, 56]. В 1920-е и начале 30-х годов Имперский союз инвалидов войны, близкий к социал-демократам, выдвигал свои требования общественного признания и финансовой компенсации, организуя намеренно провокативную демонстрацию инвалидов-калек и публикацию натуралистических фотографий раненых в своих печатных органах [57]. Искалеченное тело солдата-инвалида служило при этом частью широкой политики идентификации и использовалось союзами ветеранов в общественном пространстве как «боевое средство» для достижения своих целей [58].

На правом крыле переживание поражения и развенчивание образа солдата-героя вызывало прямо противоположную реакцию. В душной атмосфере набиравших силу объединений ветеранов правого толка и близких им партийных кругов быстро распространялся культ героя, в центре которого было прямо-таки без-

граничное возвеличивание победоносного «стального» солдата-фронтовика, исповедовавшийся правыми националистами культ твердости, нашедший свое крайнее выражение в литературном творчестве бывшего фронтовика Эрнста Юнгера. Этот культ не только идеализировал военное насилие, но и отрицал его социальные последствия [59–61]. Тело солдата-героя в произведениях Юнгера действовало с эффективностью машины, было твердым, как сталь, и не ведало боли. Поэтому не удивительно, что всякие упоминания о ранениях и психических травмах полностью отсутствуют как у Юнгера, так и вообще в литературе правых, восхвалявших войну [62]. К концу 1920-х годов агрессивного националистического культа фронтового солдата распространяется и на либерально-буржуазный лагерь и все больше вытесняет мысли о войне, стоявшие под знаком скорби и отрицания насилия. Позже национал-социалисты в своей пропаганде сделали расистски нагруженные образы неуязвимых и твердых, как сталь, фронтовиков идейным воплощением героических воспоминаний о Первой мировой войне, в то время как подлинные свидетельства инвалидов войны последовательно изгонялись из сферы национал-социалистической пропаганды [63].

Реинсценировка жертв войны при национал-социализме

Социальная катастрофа мирового экономического кризиса начала 1930-х годов вновь резко обострила и без того натянутые отношения инвалидов и государства. Параллельно с политикой вынужденного секвестрования при канцлерах Брюнинге и фон Папене проходило и масштабное сокращение фондов обеспечения жертв

войны [64, 65]. Консервативный центральный орган инвалидов в 1931 году сообщал о 22 случаях урезания пенсий только за предыдущие два года [66]. Когда в сумятице Великой депрессии рухнуло и основополагающее обещание Республики расширить и преобразовать социальную политику в интересах всех граждан [67], лояльность к Веймарскому государству была открыто поставлена под вопрос. Под лозунгами «Страна возмущена» и «Выйдем из нищеты» в начале 1930-х годов инвалиды проводили демонстрации почти в каждом городе, протестуя против несправедливости и требуя немедленной отмены сокращения фондов социального обеспечения [68].

Национал-социалисты рано заметили растущее отчуждение инвалидов войны и их родственников от республиканской власти. Начиная с 1920-х годов нацистская партия обхаживала инвалидов и их родственников, видя в них потенциальный электорат, и в своей пропаганде позиционировала себя как партия героев-фронтовиков и инвалидов [69]. В предвыборной кампании партия целенаправленно стремилась занять пустующую политико-символическую нишу. В бесчисленных газетных статьях и брошюрах партия обещала в будущем нацистском государстве наконец-то воздать инвалидам и их родственникам давно обещанную «благодарность отечества» и реорганизовать систему социального обеспечения на совершенно новой идейной основе [70]. В подтверждение этих обещаний нацистская пропаганда постоянно представляла общественности Адольфа Гитлера как жертву войны. Как говорилось в одном партийном журнале от 1932 года [71], «Будучи солдатом, на себе испытывавшем все тяготы тяжелора-

неного в мировой войне, именно фюрер призван указать жертвам войны путь в лучшее будущее».

Сознательно отмежевываясь от военных аспектов рухнувшей империи, Веймарское правительство после 1918 года пыталось воздать «благодарность отечеству» путем интеграции инвалидов в хозяйственную жизнь. Однако в глазах соотечественников государство и его представители так и не смогли дать ответ на главный вопрос послевоенного времени: В чем был смысл массовой гибели и миллионов искалеченных на полях сражений? Поэтому после 1933 года нацисты действительно повысили общественное признание жертв войны, умело играя на контрасте с бесцветными временами Веймарской республики, лишенными символов и мифов. С этой целью после быстрого «выравнивания» всех республиканских объединений инвалидов и жертв войны летом 1932 года была вызвана к жизни новая политика, обогащенная помпезной символикой, принявшая формы бесчисленных массовых митингов, апеллирующих к жертвам войны, гигантских торжественных мероприятий наряду с введением различного рода общественных привилегий в виде специальных значков, права на особое обслуживание в общественных заведениях и на ценовые льготы [72, 73]. В своих пропагандистских целях нацистский режим умело использовал старые требования ветеранских союзов относительно видимых жестов уважения и благодарности за жертвы, принесенные в войне. Ставя в центр гигантских манифестаций Третьего рейха ветеранов как почетных героев войны и «первых граждан» государства, нацистские руководители, прежде всего, надеялись снизить накопившийся протестный потенциал в лагере жертв

войны. Кроме того, публичное чествование ветеранов в символических образах должно было дать всему населению представление о восстановлении национальной «чести» в лице бывшего ефрейтора Адольфа Гитлера.

Несмотря на презентацию инвалидов как «почетных граждан», в целом отношение национал-социалистов к ветеранам было глубоко противоречивым. Ведь в действительности героизация инвалидов войны сталкивалась с основанной на военных категориях идеологией национал-социалистического движения и связанным с ней образом человека, в значительной мере определявшимся идеалом героического и победоносного фронтовика Первой мировой войны. Далеко идущая идеологизация политики по отношению к жертвам войны особенно отчетливо проявилась в изменениях системы социального обеспечения. Уже в 1920-е годы нацистские пропагандисты обвиняли веймарскую систему в том, что она превратила немецкого фронтовика в пассивного налогоплательщика государства, зависимого от благотворительности. Соответственно, в общественном мнении после 1933 года получение пенсии по инвалидности постоянно клеймилось как не достойное солдата и мужчины. Следовало как можно скорее преодолеть «пацифистский дух» Веймарской республики. В Третьем рейхе произошла ремилитаризация законодательства, в принципе означавшая возврат к традиции социального обеспечения в Империи. Вследствие этого пенсии для инвалидов во многих случаях были урезаны либо даже отменены совсем, а критерии на право их получения были ужесточены [74]. После прихода к власти нацистский режим решил, что наступило время устранить вред-

ное влияние «марксистской» социальной политики Веймарской республики. В этом смысле гигантскими усилиями пропаганды попытались снова «перевоспитать» ветеранов в «продуктивных» членов национального сообщества, используя дорогостоящие методы создания новых рабочих мест и проекты переселения с государственной поддержкой [75].

Вскоре была запрещена и публичная демонстрация полученных на фронте ран и увечий, практиковавшаяся в веймарские времена объединениями ветеранов левой ориентации. Изображения инвалидов в работах Отто Дикса и других веймарских авангардистов в Третьем рейхе пали жертвой цензуры. После 1933 года новые власти в своей пропаганде стремились смягчить опустошительные последствия военного насилия потоком образов непобедимых и лишь слегка раненных воинов и тем самым примирить героизацию войны с реальностью наличия громадного числа инвалидов [76]. Ветераны, противостоявшие идеализации фронтовой жизни, т. е. прежде всего евреи и инвалиды с нарушенной психикой, последовательно исключались из «почетного» солдатского сообщества, а позже подвергались физическому уничтожению [77, 78].

Но героизация и воспевание инвалидов в Третьем рейхе всегда служили и усилиям и психологической мобилизации для подготовки войны. В качестве героев, пожертвовавших для Отечества как никто другой, инвалиды служили образцом для подражания, прежде всего для молодого поколения [79]. Не удивительно, что с началом Второй мировой войны инвалиды Первой мировой были активно подключены к уходу за новыми инвалидами – солдатами Вермахта и к заботе о вдовах и сиротах [80]. Ко-

нец господства национал-социализма знаменовал собой новый крутой поворот в отношении к инвалидам, число которых после Второй мировой войны было велико как никогда, поддерживаемое государством воспевание полученных на фронте ран и увечий, пережившее последний ренессанс, при национал-социализме после тотального поражения 1945 года обрело свой финал. ФРГ в общем продолжила трезвую практику социального обеспечения, существовавшую в Веймарской республике, и в отношении к инвалидам Второй мировой войны отказалась от политики использования какой-либо государственной символики [81].

Литература

1. Rüdiger Overmans: Kriegsverluste. In: Gerhard Hirschfeld/Gerd Krumeich (Hrsg.): Enzyklopädie Erster Weltkrieg. Paderborn (u.a.) 3. Aufl. 2009, s. 663–666.
2. Jay M. Winter: Sites of Memory, Sites of Mourning. The Great War in European Cultural History. Cambridge, 1995.
3. Jay M. Winter: Sites of Memory, Sites of Mourning. The Great War in European Cultural History. Cambridge 1995.
4. Annette Becker: Der Kult der Erinnerung nach dem Großen Krieg. Kriegerdenkmäler in Frankreich. In: Reinhart Koselleck/Michael Jeismann (Hrsg.): Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne. München 1994, s. 315–324.
5. Manfred Hettling (Hrsg.): Gefallenengedenken im globalen Vergleich. Nationale Tradition, politische Legitimation und Individualisierung der Erinnerung. München 2013.
6. Boris Barth: Dolchstoßlegenden und politische Desintegration. Das Trauma der deutschen Niederlage im Ersten Weltkrieg 1914–1933 (Schriften des Bundesarchivs, 61). Düsseldorf, 2003.
7. Jesko von Hoegen: Der Held von Tannenberg: Genese und Funktion des Hindenburg-Mythos (Stuttgarter Historische Forschungen, 4). Köln (u.a.) 2007, s. 141.
8. Richard Bessel: Germany after the First World War. Oxford 1993; Wolfgang Schivelbusch: Die Kultur der Niederlage. Der amerikanische Süden 1865, Frankreich 1871, Deutschland 1918. Berlin 2001.
9. Bernd Ulrich/Benjamin Ziemann (Hrsg.): Krieg im Frieden: Die umkämpfte Erinnerung an den Ersten Weltkrieg. Quellen und Dokumente. Frankfurt a. M. 1997.
10. Silke Fehleemann: „Stille Trauer“. Deutsche Soldatenmütter in der Zwischenkriegszeit, in: Historical Social Research 34 (2009) 4, s. 331–342; Jason Crouthamel: Mobilizing Psychopaths into Pacifists. Psychological Victims of the First World War in Weimar and Nazi Germany. In: Peace and Change 30, 2005, 2, s. 205–230.
11. Robert W. Whalen: Bitter Wounds. German Victims of the Great War. 1914–1939. Ithaca/New York 1984.
12. Gerd Krumeich: Verstümmelungen und Kunstglieder. Formen körperlicher Verheerungen im 1. Weltkrieg. In: Sozialwissenschaftliche Informationen, 19, 1990, 2, s. 97–102.
13. Gerhard Hirschfeld/Gerd Krumeich: Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch (Anm. 3), s. 115–131.
14. James M. Diehl: Change and Continuity in the Treatment of German Kriegsopfer. In: Central European History 18, 1985, 2, s. 170–187.
15. Sabine Kienitz: Beschädigte Helden. Kriegsinvalidität und Körperbilder 1914–1923 (Krieg in der Geschichte, 41). Paderborn (u.a.) 2008.
16. Benjamin Ziemann: Contested Commemorations. Republican War Veterans and Weimar Political Culture (Studies in the social and cultural history of modern warfare). – Cambridge, 2013.
17. Christian Weiß: „Soldaten des Friedens“. Die pazifistischen Veteranen und Kriegsopfer des „Reichsbundes“ und ihre Kontakte zu den französischen anciens combattants 1919–193. In: Wolfgang Hardtwig (Hrsg.): Politische Kulturgeschichte der Zwischenkriegszeit 1918 – 1939 (Geschichte und Gesellschaft, Sonderh. 21). Göttingen 2005, s. 183–204.
18. Deborah Cohen: The War comes Home: Disabled Veterans in Britain and Germany, 1914 –

- 1939 (Berkeley: University of California Press 2001).
19. Jason Crouthamel: *The Great War and German memory : society, politics and psychological trauma, 1914 – 1945*, (Exeter: Univ. of Exeter Press 2009).
20. Krumeich (Hrsg.): *Nationalsozialismus und Erster Weltkrieg* (Schriften der Bibliothek für Zeitgeschichte, 24). Essen 2010.
21. Arndt Weinrich: *Der Weltkrieg als Erzieher. Jugend zwischen Weimarer Republik und Nationalsozialismus* (Schriften der Bibliothek für Zeitgeschichte, 27). Essen 2013.
22. Nils Löffelbein: *Ehrenbürger der Nation. Die Kriegsbeschädigten des Ersten Weltkriegs in Politik und Propaganda des Nationalsozialismus* (Zeit der Weltkriege, 1). Essen 2013.
23. Erich Kuttner: „Vergessen! Die Kriegszermalmten in Berliner Lazaretten“, in: *Vorwärts* (9.9.1920).
24. *Zentralblatt für Kriegsbeschädigte und Kriegerhinterbliebener*. Zeitschrift des Zentralverbands deutscher Kriegsbeschädigter und Kriegerhinterbliebener, September 1931.
25. Rainer Hudemann: *Kriegsopferpolitik nach den beiden Kriegen*. In: Hans Pohl (Hrsg.): *Staatliche, städtische, betriebliche und kirchliche Sozialpolitik vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Vom 28. März bis 1. April 1989 in Heidelberg. Stuttgart 1991, s. 269–295.
26. *Zentralblatt für Kriegsbeschädigte und Kriegerhinterbliebener*. Zeitschrift des Zentralverbands deutscher Kriegsbeschädigter und Kriegerhinterbliebener, September 1931. *Zentralblatt für Kriegsbeschädigte und Kriegerhinterbliebener*. Zeitschrift des Zentralverbands deutscher Kriegsbeschädigter und Kriegerhinterbliebener, September 1931.
27. Rainer Hudemann: *Kriegsopferpolitik nach den beiden Kriegen*. In: Hans Pohl (Hrsg.): *Staatliche, städtische, betriebliche und kirchliche Sozialpolitik vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Vom 28. März bis 1. April 1989 in Heidelberg. Stuttgart 1991, s. 269–295.
28. Michael Geyer: *Ein Vorbote des Wohlfahrtsstaates. Die Kriegsopferversorgung in Frankreich, Deutschland und Großbritannien nach dem Ersten Weltkrieg*. In: *Geschichte und Gesellschaft* 9, 1983, s. 230–277.
29. Deborah Cohen: *The War Come Home. Disabled Veterans in Britain and Germany 1914–1939*. Berkeley (u.a.) 2001.
30. Peter Leese: *Problems Returning Home. The British Psychological Casualties of the Great War*. In: *The Historical Journal* 40, 1997, 4, s. 1055–1069.
31. Antoine Prost: *Die Demobilmachung, der Staat und die Kriegsteilnehmer in Frankreich*, in: *Geschichte und Gesellschaft* 9, 1983, s. 178–194.
32. Kienitz: *Beschädigte Helden* (Anm. 13).
33. Nicolas Beaupré: *Das Trauma des großen Krieges 1918 – 1932/33* (WBG Deutsch-französische Geschichte, 8). Darmstadt 2009, s. 116.
34. Stefan Goebel: *Brüchige Kontinuität. Kriegerdenkmäler und Kriegsgedenken im 20. Jahrhundert*. In: *Hettling: Gefallenengedenken* (Anm. 6), s. 199–229, hier S. 208.
35. Niall Barr: *The Lion and the Poppy. British Veterans, Politics, and Society, 1921–1939*. Westport Conn. 2005.
36. Ralph Winkle: *Der Dank des Vaterlandes. Eine Symbolgeschichte des Eisernen Kreuzes 1914 bis 1936*. Essen 2007.
37. Christine Beil: *Zwischen Hoffnung und Verbitterung. Selbstbild und Erfahrungen von Kriegsbeschädigten den ersten Jahren der Weimarer Republik*. In: *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 46, 1998, 2, s. 139–157.
38. (ссылка 26) *Bundes-Nachrichten*. Offizielles Organ des Bayerischen Bundes Kriegsbeschädigter und Kriegerhinterbliebener e.V., Nr. 52. vom August 1922. In: *Ulrich/Ziemann: Die umkämpfte Erinnerung* (Anm. 7), s. 121.
39. Nadine Rossol: *Performing the Nation in Interwar Germany. Sport, Spectacle and Political Symbolism 1926–1936*. Basingstoke 2010
40. Bernd Buchner: *Um nationale und republikanische Identität. Die deutsche Sozialdemokratie und der Kampf um die politischen Symbole in der Weimarer Republik* (Politik- und Gesellschaftsgeschichte, 57). Bonn 2001.
41. Sabine Behrenbeck: *Zwischen Trauer und Heroisierung. Vom Umgang mit Kriegstod und Niederlage nach 1918*. In: *Jörg Duppler/Gerhard P.*

Groß (Hrsg.): Kriegsende 1918. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung. München 1999 (Beiträge zur Militärgeschichte, 53), s. 315–339.)

42. Ewald Frie: Vorbild oder Spiegelbild? Kriegsbeschädigtenfürsorge in Deutschland, 1914–1919. In: Wolfgang Michalka (Hrsg.): Der Erste Weltkrieg, Wirkung, Wahrnehmung, Analyse. München/Zürich 1994, s. 563–580.

43. Karl-Christian Führer: Für das Wirtschaftsleben „mehr oder weniger wertlose Personen“. Zur Lage von Invaliden- und Kleinrentnern in den Inflationsjahren 1918–1924. In: Archiv für Sozialgeschichte 30, 1990, s. 146–180.

44. Christian Kleinschmidt: „Unproduktive Lasten“. Kriegsinvaliden und Schwerbeschädigte in der Schwerindustrie nach dem Ersten Weltkrieg. In: Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte 2, 1994, s. 155–165.

45. Karin Hausen: Die Sorge der Nation für ihre „Kriegsopfer“. Ein Bereich der Geschlechterpolitik während der Weimarer Republik. In: Jürgen Kocka/Hans-Jürgen Puhl (Hrsg.): Von der Arbeiterbewegung zum modernen Sozialstaat. München (u.a.) 1994. s. 719–739.

46. Dies.: Geschlechtergeschichte als Gesellschaftsgeschichte (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft, 202). Göttingen 2012, s. 330–359.

47. Kienitz: BeschädigteHelden (Anm. 14); *Jonna Bourke*: Dismembering the male. Men's bodies, Britain and the Great War. London 1996.

48. Vgl. dazu: *Ute Frevert*: Die kasernierte Nation: Militärdienst und Zivilgesellschaft in Deutschland. München 2001.

49. *Christian Jansen* (Hrsg.): Der Bürger als Soldat. Die Militarisierung europäischer Gesellschaften im langen 19. Jahrhundert. Ein internationaler Vergleich (Frieden und Krieg, 3). Essen 2004.

50. *Kienitz, Sabine*: Das Ende der Männlichkeit? Zur symbolischen Re-Maskulinisierung der Kriegskrüppel im Ersten Weltkrieg. In: Christel Köhler-Hezinger/Martin Scharfe (Hrsg.): Männlich-Weiblich. Zur Bedeutung der Kategorie Geschlecht in der Kultur. Münster (u.a.) 1999, s. 181–189.

51. *Sabine Kienitz*: Der verwundete Körper als Emblem der Niederlage? Kriegsinvaliden in der Weimarer Republik. In: Horst Carl (Hrsg.): Kriegs-

niederlagen. Erfahrungen und Erinnerungen. Berlin 2004, s. 329–345.

52. *Vanessa Conze*: „Unverheilte Brandwunden in der Außenhaut des Volkskörpers“ - Der deutsche Grenzdiskurs der Zwischenkriegszeit (1919–1939). In: Wolfgang Hardtwig (Hrsg.): Ordnungen in der Krise. Zur politischen Kulturgeschichte Deutschlands 1900 – 1933 (Ordnungssysteme, 22). München 2007, s. 21–49.

53. Ernst Friedrich: Krieg dem Kriege. Berlin 1926.

54. Cc.37 *Anton Kaes*: *Shell Shock* Cinema. Weimar Culture and the Wounds of War. Princeton / New York 2009.

55. *Matthias Eberle*: Der Weltkrieg und die Künstler der Weimarer Republik. Dix, Grosz, Beckmann, Schlemmer. Stuttgart/Zürich 1989.

56. *Dietrich Schubert*: Krüppeldarstellungen im Werk von Otto Dix nach 1920. Zynismus oder Sarkasmus. In: Gertrude Cepl-Kaufmann (Hrsg.): Krieg und Utopie. Kunst, Literatur und Politik im Rheinland nach dem Ersten Weltkrieg. Begleitband zur Ausstellung 2006, Bunkerkirche Düsseldorf, Siebengebirgsmuseum der Stadt Königswinter. Essen 2006, s. 293–308.

57. Notruf der Kriegsopfer. Der Reichsregierung und dem Reichstag vorgelegt vom Reichsbund der Kriegsbeschädigten, Kriegsteilnehmer und Kriegerhinterbliebenen. Berlin 1932.

58. *Sabine Kienitz*: BeschädigteHelden: Zur Politisierung des kriegsinvaliden Soldatenkörpers in der Weimarer Republik. In: Dülffer/Krumeich: Der verlorene Frieden (Anm. 4), s. 199–214.

59. *Thomas Kühne*: Kameradschaft. Die Soldaten des nationalsozialistischen Krieges und das 20. Jahrhundert (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft, 173). Göttingen 2006.

60. *Petra Maria Schulz*: Ästhetisierung von Gewalt in der Weimarer Republik (Theorie und Geschichte der bürgerlichen Gesellschaft, 21). Münster 2004.

61. *Sven Reichardt*: Gewalt, Körper, Politik. Paradoxien in der deutschen Kulturgeschichte der Zwischenkriegszeit. In: Hardtwig: Kulturgeschichte (Anm. 29), s. 205–241.

62. *Hans-Harald Müller*: Der Krieg und die Schriftsteller. Der Kriegsroman der Weimarer Republik. Stuttgart 1986.
63. *Paula Diehl*: Macht – Mythos – Utopie. Die Körperbilder der SS-Männer (Politische Ideen, 17). Berlin 2005; Löffelbein: Ehrenbürger (Anm. 17).
64. Vgl. dazu: Die Rückläufigkeit der Versorgung und Fürsorge für die Kriegsofoper im Zeichen der Notverordnungen. Eine Denkschrift an die Reichsregierung und den Reichstag. Berlin 1932.
65. *Rainer Hudemann*: Sozialpolitik im deutschen Südwesten zwischen Tradition und Neuordnung 1945–1953. Sozialversicherung und Kriegsofoperversorgung im Rahmen französischer Besatzungspolitik (Veröffentlichungen der Kommission des Landtages für die Geschichte des Landes Rheinland-Pfalz, 10). Mainz 1988, s. 393.
66. Was man den Kriegsofoper schon zumute“. In: Zentralblatt (Anm. 14), September 1931.
67. *Detlev J. K. Peukert*: Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt a. M. 1987.
68. Reichsbund. Organ des Reichsbundes der Kriegsteilnehmer, Kriegsofoperbeschädigten und Kriegerhinterbliebenen, 20.4.1932.
69. Zum Umgang der Nationalsozialisten mit den Kriegsofoperbeschädigten: Löffelbein: Ehrenbürger (Anm. 17).
70. Siehe dazu zusammenfassend: Nationalsozialismus und Kriegsofoper, hrsg. v. d. Reichsorganisationsabt. I, Ref. Kriegsofoperversorgung. München 1932.
71. Cc.50 Der Dank des Vaterlandes, November 1931, S. 1; siehe auch: Westdeutscher Beobachter, 4.3.1932; Deutsche Kriegsofoperversorgung (DKOV) 2, Februar 1933, s. 3.
72. *Hanns See*: Das Ehrenrecht der deutschen Kriegsofoper. Berlin 1935.
73. *Hanns Oberlindober*: Ehre und Recht für die deutschen Kriegsofoper. Rede anläßl. d. Reichspar-
teitages 1933 in Nürnberg, hrsg. von der National-Sozialistischen Kriegsofoperversorgung. Berlin 1933.
74. *Hanns Oberlindober* (Hrsg.): 5 Jahre Arbeit für Führer und Volk. Ein Rechenschaftsbericht über die Tätigkeit des Hauptamts für Kriegsofoper der NSDAP und der national-sozialistischen Kriegsofoperversorgung e.V. für die Jahre 1933–1938. Berlin, 1938.
75. „Rückgang der Arbeitslosigkeit unter der Schwerbeschädigten“, in: Völkischer Beobachter, 20.3.1934.
76. Siehe als einschlägige Beispiele: Bundesarchiv Berlin, Plak. 003-028-062, „Frontsoldaten! In diesem Zeichen erfüllt sich das Vermächtnis der Front“; „Dem verletztem und unbesiegttem Soldaten“, in: Völkischer Beobachter, März 1934.
77. *Stephanie Neuner*: Politik und Psychiatrie. Die staatliche Versorgung psychisch Kriegsofoperbeschädigter in Deutschland 1920 – 1939 (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft, 197). Göttingen 2011.
78. *Paul Lerner*: Hysterical Men. War, Psychiatry, and the Politics of Trauma in Germany, 1890 – 1930 (Cornell studies in the history of psychiatry). Ithaca/New York 2003.
79. Siehe die Berichte in der DKOV: Oberlindober, Hanns: „Der Frontsoldat von heute und wir von 1914-18“. In: DKOV 9, Juli 1940, S. 2f.; „Der alte und neue Soldat“. In: DKOV 9, Oktober 1940, S. 4ff.
80. Zur Hinterbliebenenversorgung während des Zweiten Weltkrieges: Nicole Kramer: Volksgenossinnen an der Heimatfront: Mobilisierung, Verhalten, Erinnerung (Schriftenreihe der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 82). Göttingen 2011.
81. Siehedazubishernur: *James M. Diehl*: The Thanks of the Fatherland. German Veterans after the Second World War. Chapel Hill 1993.

ON HEROISM AND SUFFERING OF DISABLED PEOPLE – DISABLED PEOPLE OF WORLD WAR I WEIMAR REPUBLIC UNDER NATIONAL SOCIALISM

Nils Löffelbein

Goethe University Frankfurt,
Frankfurt, Germany

Nils-Loeffelbein@web.de

This article examines the history of disabled people in the First World War in Germany from the point of view of the socio-psychological consequences of total penetration of war into the peaceful life of various strata of society. Despite the fact, that approximately one tenth of the population became victims of the war, which was a huge moral and financial problem for the Weimar Republic, historians have not paid sufficient attention to this topic. At the same time, the heated debates on the problems of war victims constantly burdened the memories of the war in the Weimar Republic, and eventually contributed to the destabilization of public order. War veterans, for example, were not involved in national celebrations in the Weimar Republic. By the end of the 1920s, an aggressive nationalist cult of the front-line soldier had propagated into the liberal-bourgeois camp. As a result, the national socialists succeeded in effective usage of the problem of war victims for their own political purposes. Yet only after the Second World War, the end of the rule of national socialism marked a new change in relation to people with disabilities, whose number at that time was greater than ever.

Keywords: The First World War, the Weimar Republic, disabled veterans, social security system, the image of the war hero.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.1-7-19